

ФРОНТ И ТЫЛ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

DOI 10.15826/izv2.2018.20.1.005
УДК 331.101.3:63(470.318) + 316.62 +
+ 94(470)“1917”

О. М. Семерикова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

УЧАСТИЕ НЕПРОЛЕТАРСКИХ СЛОЕВ НАСЕЛЕНИЯ В СОЗДАНИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ КОММУН В 1918 г. (на примере Марьинской (Маклинской) коммуны Калужской губернии)*

В статье рассматривается сюжет о создании сельскохозяйственной трудовой коммуны в Калужской губернии в 1918 г., организованной частным собственником земли с привлечением лиц, имевших привилегированное положение до 1917 г. Представлен процесс создания коммуны наиболее предприимчивой, образованной и состоятельной частью населения Малоярославецкого уезда и ее взаимодействие с новой местной властью. В составе коммуны оказались частный землевладелец, сын дворянина и помещика, член уездного земельного отдела, бывший комиссар уездной финансовой комиссии, бывшая потомственная почетная гражданка, внучка крупного помещика и др. На основе архивных материалов выявлено, что фактором, имевшим доминирующее значение при принятии решения о создании коммуны, явилось стремление к поиску адаптационной модели выживания непролетарских слоев населения в рамках новой социалистической реальности. Установлено, что причиной быстрой ликвидации коммуны как «контрреволюционной организации» явилось не только несоответствие пролетарской доктрине новой власти, но и использование прежних коммуникативных практик и шаблонов организаторами коллективного хозяйства, а также стремление к восстановлению прежнего материального благополучия через новую форму организации хозяйства и неготовность к тяжелому крестьянскому труду. Последние обстоятельства вызывали столкновения личных и материальных интересов членов коммуны (имевших неформальные связи с некоторыми местными управленцами с низким уровнем пролетарской

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

© Семерикова О. М., 2018

сознательности) и представителей большевистской власти и приводили к открытым конфликтам, в основе которых лежали не идеологические споры, а личная и социальная неприязнь, корысть и нередко действия преступного характера.

Ключевые слова: сельскохозяйственная трудовая коммуна; Революция 1917 г.; Калужская губерния.

Цитирование: Семерикова О. М. Участие непростетарских слоев населения в создании сельскохозяйственных трудовых коммун в 1918 г. (на примере Марьинской (Маклинской) коммуны Калужской губернии) // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2018. Т. 20. № 1 (172). С. 66–79.

*Поступила в редакцию 02.06.2017
Принята к печати 09.01.2018*

Olga M. Semerikova

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

**THE PARTICIPATION OF NON-PROLETARIAN POPULATION
IN THE ESTABLISHMENT OF AGRICULTURAL LABOUR COMMUNES
IN 1918 (with Reference to the Maryinskaya (Maklinskaya) Commune,
Kaluga Province)**

This article discusses the history of establishment of an agricultural labour commune in Kaluga Province in 1918 by a private landowner with the involvement of individuals who had had a privileged position prior to 1917. The author describes the way in which the most well-educated, enthusiastic and well-off representatives of the population of Maloyaroslavets district established the commune and their interaction with the new local authorities. Among the members of the commune, there was a private landowner, a son of a nobleman and landowner, a member of the Uyezd Land Department, a former financial Commissioner of the Uyezd Commission, a former hereditary honorary citizen, a granddaughter of a large landowner, etc. Referring to archival materials, the author reveals that the factor which had a dominant role in the decision on the establishment of the commune was the desire to find an adaptation survival model for the non-proletarian strata of the population within the new socialist reality. It is established that the reason for the elimination of the commune as a “counterrevolutionary organisation” was not only its inconsistency with the proletarian doctrine of the new government, but the use of old communicative practices and patterns by the founders of collective farms, as well as their desire to restore the former financial prosperity through a new form of economic organisation and their unpreparedness for hard peasant labour. The latter caused a collision of personal and material interests among the members of the commune (which had informal connections with some local managers with a low level of proletarian consciousness) with representatives of the Bolshevik government and led to open conflicts, which were not ideological debates, but personal and social hostility, greed, and often actions of criminal nature.

Keywords: agricultural labour commune; the Revolution of 1917; Kaluga Province.

Acknowledgements

The research is sponsored by a grant of the *Russian Science Foundation* (project 16-18-10106 “Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Mechanisms of Implementation, Results of Establishment”).

Citation: Semerikova, O. M. (2018). Uchastie neproletarskih sloev naselenija v sozdanii sel'skohochozajstvennyh trudovyh kommun v 1918 g. (na primere Mar'inskoj (Maklinskoj) kommuny Kaluzhskoj gubernii) [The Participation of Non-proletarian Population in the Establishment of Agricultural Labour Communes in 1918 (with Reference to the Maryinskaya (Maklinskaya) Commune, Kaluga Province)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 1 (172), 66–79.

Submitted on 02 June, 2017

Accepted on 09 January, 2018

С приходом к власти большевиков в России в октябре 1917 г. начинается этап глобальных перемен, связанных с реализацией коммунистического проекта в центре и на периферии. В условиях гражданской войны и «крестьянской революции» в деревне (в землевладении и землепользовании на принципах трудовой справедливости), советское правительство и партия большевиков помимо национализации части помещичьих имений и других частных владений (с последующей организацией на этих землях крупных сельскохозяйственных предприятий) начинают активно пропагандировать концепцию создания различных форм коллективного хозяйства (сельскохозяйственных коммун, артелей и товариществ по совместной обработке земли) на крестьянских землях. Особое внимание уделялось созданию сельскохозяйственных трудовых коммун. Это были объединения, члены которых должны были жить и трудиться на принципах равенства, справедливости и максимального обобществления, отбросив старый опыт индивидуального потребительского хозяйства, а также стать светочем просвещения и пропаганды коммунистических идеалов для окружающего населения.

Цель статьи — проследить процесс реализации идеи трудовой коммуны нецелевой (исключенной из социальной базы по идеологическим соображениям) для большевиков категорией населения. Для этого был использован метод микроисторического исследования, ориентированный на изучение опыта «обычных», «маленьких» людей [см.: Гинзбург, с. 211, 213]. Данный метод позволил проследить готовность / неготовность к восприятию коммунистической доктрины рядовым обывателем, в частности, представителями категории бывших привилегированных слоев общества. Кроме того, этот метод предоставил возможность выйти на уровень изучения деталей взаимодействия новой революционной власти и ее эмиссаров с местными новыми и бывшими «элитами», увидеть стремление последних к интеграции в новое социалистическое пространство по формальным признакам, через создание коммуны. Также автору на основе указанного метода удалось установить неготовность партии

большевиков уходить от доктринальных положений по реализации социалистического / коммунистического проекта в пользу тактических установок (снять социальную напряженность в деревне и решить продовольственный кризис).

Уже с октября 1917 г. для значительной части населения России остро встал вопрос возможности существования в рамках новой социалистической реальности. Трудовым категориям населения (рабочим и крестьянам), согласно партийной доктрине, отводилось главное место в социальной иерархии под лозунгом «Кто был никем, тот станет всем». Что касается иных категорий, относимых к нетрудовым слоям общества, то здесь действовали законы «военного коммунизма».

В этих условиях многие социальные слои (категории, группы) оказались в состоянии растерянности и поисков путей адаптации. В ситуации дезорганизации связей центральной и местных властей в 1917 — начале 1919 г., а также слабого (нестабильного) влияния большевиков на экономические и социальные процессы в губерниях, в том числе из-за острой нехватки партийного актива на местах, наблюдались попытки интеграции в новое социалистическое пространство лиц, далеких от коммунистической доктрины, но имеющих потребность в сохранении своих материальных ресурсов и авантюрные устремления к их расширению за счет близости к власти. Одним из путей реализации таких устремлений явилось создание сельскохозяйственной трудовой коммуны.

В статье рассматривается дело о создании Марьинской сельскохозяйственной трудовой коммуны-школы Калужской губернии, основанной, согласно уставу, на принципах равенства «для пропаганды коммунистических начал в сельском хозяйстве» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 10], которая впоследствии была распущена как «контрреволюционная организация». Заметим, что на ее основе (материальной в большей степени) в декабре 1918 г. была создана Маклинская сельскохозяйственная коммуна с новым составом, в феврале 1919 г. представившая в соответствующие органы нормальный устав [Там же, л. 5]. Смена названия произошла из-за того, что 22 ноября 1918 г. Марьинским Волостным Исполнительным Комитетом было принято решение переименовать село Марьино в село Маклино «в память годовщины Октябрьской революции и согласно воле, выраженной населением волости, в честь английского борца за рабоче-крестьянское дело товарища (Джона. — О. С.) Маклина» [Исаченко].

Дело о Марьинской сельскохозяйственной трудовой коммуне-школе Российского государственного архива экономики (РГАЭ) представляет собой отложившийся комплекс уставов, докладов, разъяснений и заявлений участников коммуны, а также представителей власти, датированных периодом 29 ноября 1918 г. — 3 февраля 1919 г., в связи с проверкой деятельности коммуны, проведенной Иваном Афанасьевичем Савельевым с 29 по 31 ноября 1918 г., инструктором бюро коммун Калужского губернского земельного отдела (далее — губземотдел). С уверенностью можно утверждать, что проверка была вызвана не только бюрократическими обстоятельствами, но и сложной для большевиков обстановкой

из-за восстания в Медынском, Боровском и частично Малоярославецком уездах 10–19 ноября 1918 г. [см.: Осипова, с. 272–274].

Обратимся к фактам. Коммуна Марьинская была организована в октябре 1918 г. Но вплоть до декабря 1918 г. она не была официально оформлена в губернском земельном органе, что было указано в докладе Калужского губземотдела в Народный комиссариат земледелия (далее — НКЗ) от 6 декабря 1918 г.: «Марьинская сельскохозяйственная коммуна еще не зарегистрирована и сведения о ней получено лишь посредством заявления-ультиматума инструктора Олонцевича, по которому для расследования был командирован на место инструктор бюро коммун т. Савельев» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 2].

Подобная практика встречалась часто, когда даты создания и регистрации коммун не совпадали. Это было вызвано нехваткой персонала в местных советских органах и отсутствием помощи с их стороны, а также поддержки партийных организаций, удаленностью от уездного центра, отсутствием возможностей быстрого оформления документации (в том числе из-за того, что устав и посемейные списки необходимо было предоставить в четырех экземплярах) [Доклад, л. 8].

В отношении Марьинской коммуны из доклада Малоярославецкого уездного земельного отдела (далее — уземотдел), который последовал в ответ «на заявление доклад-ультиматум Олонцевича», следует, что «заявление уполномоченного коммуны получено 28 сентября (1918 г. — О. С.) уземотделом, так как бюро коммун еще не было организовано». Далее указывалось, что уземотдел не мог своевременно приступить к рассмотрению заявления коммуны из-за большого числа дел и «опасаясь возможных ошибок от излишней поспешности, как то и случилось, устав коммуны был возвращен губернским бюро коммун как недостаточно разработанный», это произошло 20 ноября 1918 г. При этом отмечалось, что «никто не препятствовал коммуне действовать в это время и считать себя зарегистрированной», так как ранее, 22 октября 1918 г., состоялось заседание (уездной. — О. С.) коллегии и было вынесено постановление о регистрации означенной коммуны. «Необходимые документы были выданы Олонцевичу» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 15].

Таким образом перед нами предстает первый участник этой истории — С. И. Олонцевич. Примерно в конце июля — начале августа 1918 г. (исходя из проведенного нами сравнительного анализа архивных материалов) он был приглашен Малоярославецким уземотделом на должность инструктора коммун. Именно Олонцевич, по словам Зинаиды Петровны Николаевой (Разъяснение З. П. Николаевой о тов. С. И. Олонцевиче от 29 ноября 1918 г.), жены П. Н. Николаева — владельца земли (35 десятин пахотной и луговой земли, 16 десятин смешанной породы лесов и 2 десятины усадебной земли), в начале августа 1918 г. предложил последнему «как собственнику своего имения, организовать коммуны, на что Николаев вместе со своей супругой охотно согласился» [Там же, л. 6, 12].

Устав Марьинской коммуны был написан от руки и отличался самостоятельностью, несмотря на имеющуюся к этому времени опубликованную инструкцию

к составлению нормального устава коммуны [см.: Инструкция]. К слову сказать, устав Маклинской коммуны от 3 февраля 1919 г. уже этих качеств не имел и являлся стандартным документом, отпечатанным типографским способом. Отличительными чертами устава Марьинской сельскохозяйственной трудовой коммуны-школы стали: название с добавлением «коммуна-школа», содержание деятельности («трудовая коммуна-школа наряду с сельскими работами устраивает лекции, практические занятия, показательные выставки и т. п. (все бесплатные)»), сведения о наличии библиотеки-читальни и сельскохозяйственного музея, утверждение возможности безвозмездного пользования окрестным населением машинами и орудиями сельскохозяйственного склада коммуны [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 10–10 об.].

На территории России большая часть коммун была организована финансово и материально мало- или вовсе необеспеченными категориями населения [К истории возникновения..., с. 125]. В связи с этим интересно указать состав Марьинской сельскохозяйственной трудовой коммуны-школы (Из разъяснения З. П. Николаевой о тов. С. И. Олонцевиче от 29 ноября 1918 г.): «П(етр) Н(иколаевич) Николаев, З(инаида) П(етровна) Николаева, член уездного земского отдела Василий Иванович Белоусов, бывший комиссар уездной финансовой комиссии Дмитрий Сергеевич Облеухов, Николай Сергеевич Николаев, супруга Олонцевича, Вячеслав Карлович Квасничко, его супруга Агрофена Николаевна, учитель Дмитриев, тов. Олонцевич».

Далее Зинаида Петровна дает социальные характеристики некоторым членам организованной коммуны, где пытается показать своего мужа в более выгодном свете новых реалий жизни (при том, что свой прежний привилегированный статус не смогла не указать, видимо, в силу привычки и высокой самооценки): «Тов. Олонцевич — уроженец из рода симбирских дворян, сын помещика, дядя его барон В. И. Белоусов из рода крестьян имеет свой отруб-хутор. Д. С. Облеухов — житель города Малоярославца, имеет свой собственный дом, В. К. Квасничко — крестьянин, портной, чех Волынской губернии, П. Н. Николаев — крестьянин, имеет свое имение с ноября 1914 г., З. П. Николаева — потомственная почетная гражданка — дочь потомственного почетного гражданина, супруга Олонцевича Маргарита Карловна — дедушка имел большое имение в Великих Луках» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 12].

Почему же коммуна с таким составом была зарегистрирована? Начнем с того, что в первых нормативных актах по помещичьим имениям (в частности, во «Временной инструкции переходных мер по проведению в жизнь Закона о социализации земли», разосланной 11 апреля 1918 г.), несмотря на то, что было запрещено сохранение имений за помещиками (устанавливалось «немедленно выселить всех бывших помещиков и взять имения в свое (земельных отделов Советов. — О. С.) ведение»), неясно было сказано об отрубниках, хуторянах, «укрепленцах» и ничего не говорилось об излишней земле этих хозяйств сверх установленной нормы [цит. по: Усатова, с. 23]. И, не вдаваясь в подробности, можно было на основании обстоятельств обретения земли Николаевым

(«крестьянин имеет свое имение с ноября 1914 г.» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 12]) найти возможность не считать его помещиком.

Во-вторых, инициаторы акцентировали внимание на непростой судьбе в царский период коммунара Квасничко. Именно подпись Квасничко стоит первой в уставе уже Маклинской коммуны после процедуры реорганизации. Калужский губземотдел на основе отчета командированного Савельева 6 декабря 1918 г. отправил в НКЗ свое заключение: «Коммуну распустить и имущество коммуны передать на хранение единственному истовому коммунару т. Квасниченко» (причем фамилия указана неверно. — О. С.) [Там же, л. 2 об.]. Почему его выделили? Ответ находим в списке № 2 членов Марьинской коммуны от 28 октября 1918 г. (этот список, видимо, появился в дополнение к списку № 1, к сожалению, последний не представлен в деле, и мы узнаем о нем со слов З. П. Николаевой). В нем находим изменение социального статуса некоторых уже указанных выше членов коллектива. Так, В. К. Квасничко (30 лет) представлен как бывший политический каторжный, занимающийся сельским хозяйством, Д. С. Облеухов (36 лет) — советский служащий по огородничеству, В. И. Белосусов (34 года) — советский служащий по сельскому хозяйству, Н. С. Николаев (26 лет) — журналист [Там же, л. 4].

Кроме того, из заявления члена Марьинского волостного исполкома (далее — волисполком) А. А. Фадеева от 29 ноября 1918 г. мы узнаем, что Николаевы обещали численно расширить коммуну за счет вновь прибывших. Но если до проверки коммуны это, видимо, выглядело для местной власти по формальным признакам вполне по-пролетарски, то при проведении расследования со стороны губернских органов власти в отчете Фадеева уже звучит суровое разоблачение с использованием революционной риторики этой возможной акции основателей коммуны: «Приедут еще из Петрограда около 20-ти семейств, которые хотят найти приют или ясно сказать спасти себя, вот мол, смотрите, и мы коммунисты. Но нет, это ярые контрреволюционеры. Долой коммунистов-капиталистов, разорителей, поработителей трудового крестьянства, смерть им, но не спасение, которые мечтают водворить Николая Романова» [Там же, л. 14].

На создание Марьинской коммуны повлиял и субъективный фактор во властных структурах. В силу того, что в местных органах власти в 1918 г. количество большевиков часто было незначительным, а необходимость в административных кадрах присутствовала, должности занимали лица со слабо выраженной пролетарской идеологией. Последнее приводило к тому, что на какое-то время, в условиях активных требований центральной власти регулярных поставок продовольствия и пропаганды коллективных форм хозяйства, а также роста напряженности в отношениях с крестьянством (мобилизация и продразверстка), для представителей непролетарских слоев стало возможно попытаться вписаться в новые социалистические реалии через создание коллективного хозяйства.

Существенную поддержку в создании Марьинской коммуны, по свидетельству Ивана Афанасьевича Савельева, оказал местный орган земледелия. Инспектор написал в докладе в бюро коммун губернского земельного отдела

31 ноября 1918 г. следующее: «Я, Савельев, был командирован в Малоярославецкое уездное бюро о коммунах и в Марьинскую сельскохозяйственную комму-ну-школу, где я всюду заметил большую несправедливость, как-то в уездном комиссариате, где я встретил и узнал, что в комиссариате одно лишь офицерство и нет ни одного настоящего работника, побыв там часа три, мне удалось заслушать ихнюю политическую работу, что я ставлю на заметку, как зав. бюро о коммунах тов. Четверикова. Его отношение к службе слабохарактерность, но более видно из заявлений, что он ведет полное соглашательство с помещиками и кулаками, Четвериковым было допущено организация Марьинской сельскохозяйственной коммуны-школы, которая состоит из 9-ти членов, но на месте я нашел только 4 членов, только собственника имения Николаева, его жену, Квасничко с женой. Это все упущение тов. Четверикова, а также и инструктора Олонцевича. С моей стороны нахожу Олонцевича неправым, что он допустил помещику Николаеву и Николаевой остаться на своем месте и взойти членом в комму-ну» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 11].

Немаловажное значение, на наш взгляд, сыграли и близость П. Н. Николаева к волостной власти, и частая ротация кадров на местах. В частности, речь идет о том, что в доме основателя коммуны располагался военный комиссариат. Хотя по слухам (указанным в заявлении тов. председателя волисполкома И. Р. Хохлова о зав. уездным бюро коммун Льве Никитиче Четверикове от 29 ноября 1918 г.) Николаев изначально не хотел такого положения дел и привлек Льва Никитича Четверикова, который «препятствовал занятию дома Николаева под волостной военный комиссариат» [Там же, л. 12 об.].

Позднее Николаев, видимо, смирившись со случившимся фактом сожительства в своем доме с новой властью, решил использовать эту ситуацию в свою пользу. Наиболее примечателен в этом смысле сюжет с патефоном. Согласно разъяснению Петра Николаевича Николаева о военном комиссаре Соловьеве от 29 ноября 1918 г. он (Николаев) «продал патефон военному комиссару С. В. Осипову за 300 рублей до организации сельскохозяйственной коммуны, когда Осипов был волостным военным комиссаром, что было в сентябре с. г. (1918. — О. С.)» [Там же, л. 12]. При том, что со слов следующего волостного военного комиссара С. В. Соловьева (с 21 сентября по 10 октября 1918 г. он занимал должность помощника при волвоенкомиссаре С. В. Осипове), представленных в его заявлении от 29 ноября 1918 г.: «Николаев подлежал тыловому ополчению, но ввиду ходатайства Олонцевича, как о специалисте садоводства, оставлен уездным военным комиссаром, но я не знаю почему» [Там же, л. 12 об.]. Скорее всего, без участия Осипова здесь дело не обошлось (тем более что позже он стал уездным комиссаром), ведь в любом случае решение уездной власти базировалась в том числе и на запросе в волость.

Наверное, этот небольшой сюжет с патефоном так бы и остался в неизвестности, но на этой вещи совпали интересы еще нескольких лиц. Николаев указал: «Когда тов. Соловьев занял место военного комиссара на место Осипова и, узнав о продаже патефона Осипову, Соловьев заявляя, какое вы имеете право

продавать патефон Осипову, я, Николаев, сказал Соловьеву, если он вам нужен, то я его могу вернуть, то Соловьев грозя мне арестом и уездному комиссару по военным делам Осипову» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 12].

По словам волвоенкомиссара С. В. Соловьева, он выразил возмущение, так как патефон «был продан Николаевым Осипову за 300 рублей во время организации коммуны, которая была организована, и Николаев состоял членом этой коммуны». Судьба патефона нам неизвестна, но из имеющихся фактов можно выдвинуть несколько предположений: либо патефон остался у Осипова, либо исчез по неизвестным причинам, либо Соловьев присвоил его и при расследовании отрицал этот факт. Причем два последних варианта более реальны, так как в конце описания этого сюжета в своем заявлении он указал: «Соловьев здесь ни при чем» [Там же, л. 12 об.]. Его задача состояла в том, чтобы еще более очернить Николаева, так как продажа имущества коммуны означала стремление получить наживу от общего имущества, иначе — кражу.

Сложно определить степень честности и преданности пролетарским и коммунистическим идеалам Соловьева в этой ситуации и вообще в жизни. Но, на наш взгляд, достаточно колоритно рисуют особенности его личности некоторые выдержки из его заявления: «О супруге Николаевой, которая Николаеву не доводится настоящей женой, а живет с ней гражданским браком. И, по слухам, она жена какого-то генерала. Еще заявляю о взятом из Марьинской сельскохозяйственной коммуны сена 11 возов около 250 пудов до организации самой коммуны уездным военным комиссариатом для мобилизационных лошадей. Еще пользовался из коммуны сеном волостной военный комиссариат на 1 лошадь, за которое сено будет уплачено военным комиссаром Соловьевым по норме за каждый пуд по предоставленному счету сельскохозяйственной коммуны». Относительно организаторов коммуны Соловьев также постарался высказаться максимально негативно: «Я заявляю, что Николаев есть помещик, и чтобы Николаеву собственные интересы защитить своего имения в с. Марьине, то Николаев постарался объявить себя коммунарком, пригласив товарищем какого-то попа» [Там же]. Интересен последний пассаж про «попа», под которым, видимо, подразумевается уже упомянутый Квасничко (согласно другим документам: крестьянин, портной, политический каторжный, чех Волынской губернии). Налицо острый межличностный конфликт, в основе которого материальная составляющая и стремление Соловьева воплотить в жизнь пролетарские принципы в отношении права собственности.

Ситуацию с патефоном не смогло разрешить и обращение к описи имущества коммуны, поскольку ее не было. Согласно докладу Малоярославецкого уездометла от 29 ноября 1918 г., «со дня организации коммуны прошло немало времени, и товарищ Олонцевич лишь теперь сообразил, что необходимо проверить опись имущества коммуны, составленную волостным исполкомом еще в начале текущего года (опись имения Николаева. — О. С.), за каковой период, несомненно, произошли видоизменения в имуществе» [Там же, л. 15 об.]. Намеренно это произошло со стороны Олонцевича (чтобы под прикрытием коммуны

осуществлять торговые сделки) или обусловлено формальным отношением к исполнению обязанностей инспектора по коммуна, остается только гадать.

Вопрос с имуществом коммуны — вообще отдельная тема, которая наглядно представляет ситуацию неразберихи, использования служебного положения, отсутствия должного надзора за уровнем преступности. Информация, представленная в архивном деле, не дает полной картины о фактах хищения, которые были раскрыты во время проверки коммуны. Нам представляется, что часть документов была изъята, так как вопрос был связан с участием в преступных деяниях членов большевистской партии на волостном и уездном уровнях. Член Марьинского волостного исполкома А. А. Фадеев сообщал: «О фактах расхищения в коммуне, как-то петуха, утки и др., то это у них не украли, а гражданка Зинаида Петровна сказала, потому что она как существо белой кости не может жить без дичи. Относительно кражи яблок, то заявляю, что гражданин Николаев продавал их тайно по ночам от членов коммуны, на что имеются данные» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 14 об.]. Хотя ниже эти доказательства не были представлены.

Кроме того, видимо, стали известны сведения о стремлении представителей пролетарской власти приобщиться к благам привилегированных слоев царской России. Всё тот же А. А. Фадеев отчаянно защищал своего сослуживца: «Могу сообщить о факте эксплуатации прислуги Залипаевой, она к коммуне не состояла, и ее не военный комиссар эксплуатировал, но член коммуны Николаев, который ее заставлял готовить на их, у прислуги были вещи Николаева, ключ у него, замок не взломан, а вещи украли» [Там же]. К слову добавим, что Пелагея Харитоновна Залипаева официально все-таки являлась членом коммуны (согласно списку № 2). Какие вещи пропали, не указано.

Несомненно, Николаева также невозможно представить абсолютно переродившимся и готовым пойти по пути «пролетарского исправления». Тем не менее, со слов тов. председателя волысполкома И. Р. Хохлова, Николаева привлекали к участию в мероприятиях новой власти: «Относительно факта посылки гражданина Николаева как члена коммуны в день праздника Октябрьской революции нарочным по рассылке по селениям срочных приказов, то таковой действительно был и вызывался необходимостью ввиду спешности и срочности. Николаев и был назначен нарочным для развозки приказов мобилизации родившихся в 1898 г. Относительно яблок, таковые действительно были переданы волостному исполкому в количестве 12 пудов для раздачи детям в день праздника Октябрьской революции, каковая коммуна отпустила бесплатно» [Там же, л. 13].

Сказать уверенно, соответствует ли информация Хохлова истине, мы не можем. Отношение к коммуне также открыто не проявляется в его заявлении. Хотя положительные данные (развоз приказов и бесплатная передача яблок) свидетельствуют о лояльности к организаторам коммуны, основанной, видимо, на неформальных связях. Этот факт подтверждают и характеристики на служащих волости, которые дал Хохлов. В отношении Четверикова: «...мало знаю и не могу сказать ничего»; в отношении Олонцевича: «отношусь как к честному и идейному борцу за свободу, который только лишь желает жить коммуной».

Но и о противоположной стороне Хохлов также отзывался положительно: «О товарище Соловьеве я заявляю как о честном и идейном работнике, который борется не за страх, а за совесть. О тов. Федорове, зав. Марьинским волостным земельным отделом — человек, безусловно, справедливый, пользуется большим доверием у крестьян, просто ненавидя такую буржуазную организацию Марьинскую коммуну, которая группируется из одних помещиков и кулаков» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 13]. Тут может быть несколько вариантов оценки подобного поведения: либо он изначально нескандальный и добрый человек, либо он попытался реализовать в этом личные интересы материального и должностного порядка одновременно. Еще один вариант: факты, описанные Хохловым, прозвучали как ответ на заявление Николаева, в котором он мог критиковать местные власти за использование ресурсов коммуны в собственных интересах. В данном случае, можно предположить, что Николаев, став председателем коммуны, пытался связать новый статус с сохранением прежнего привилегированного социального положения, опираясь на генеральную линию партии и правительства по всемерной поддержке коллективных форм хозяйства и особенно коммун, и местным властям приходилось мириться с этим до определенного времени.

Марьинская коммуна просуществовала чуть больше двух месяцев и была ликвидирована. Нормативным документом, на основании которого это было осуществлено, явилась Инструкция к составлению устава сельскохозяйственных коммун от 3 августа 1918 г., где было установлено, что: «членами коммуны не могут быть: живущие на нетрудовой доход (капиталисты, помещики, кулаки), торговые и коммерческие посредники, священники и служители религиозных культов; бывшие жандармы, полицейские, охранники, умалишенные, опороченные народным судом, лица, замеченные в спекуляции, пьянстве, винокурении, азартных играх и в других подобных поступках, нетерпимых при совместной жизни». В этом же нормативном акте декларировалась обязанность коммун «вести непримиримую борьбу с капиталом, вплоть до вооруженного отпора всем контрреволюционным попыткам помещиков, капиталистов и кулаков, и твердо стоять на страже прав и интересов пролетариата и деревенской бедноты» [Инструкция, с. 3, 5].

Большую роль в резком сокращении сроков существования коммуны сыграло также огромное желание Николаевых после получения нового статуса вернуть утраченные материальные ресурсы в максимальном количестве, в том числе и через открытый конфликт с волостным исполкомом (из доклада Малоярославецкого уземотдела: «были сразу трения между Марьинским волостным исполкомом и коммуной» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 15]). Например, Николаев потребовал вернуть лошадь с упряжью, которую в начале 1918 г. волостной исполком отдал беднейшему крестьянину. По этому факту член Марьинского волостного исполкома А. А. Фадеев 29 ноября 1918 г. заявил «когда создали коммуны... ее (лошадь. — О. С.) передал», при этом указал: «Что касается факта, что она была взята с упряжкой, то я об этом не знаю, так как в должности с 1 сентября с. г. (1918. — О. С.)» [Там же, л. 14 об.]. Кроме этого, Николаев потребовал возместить

убытки по сему и освободить его дом от иных жильцов. Малоярославецкий уземотдел сообщал: «Нами разрешен вопрос о возвращении коммуне сена 300 пудов, переведена из помещений коммуны богадельня (до этого не находилось помещения)» [РГАЭ, ф. 478, оп. 4, д. 97, л. 15].

Нужно отметить, что и инициатор коммуны Олонцевич тоже не остался в стороне от предъявления претензий к новой местной власти, что, видимо, было обусловлено его желанием восстановить привилегированное положение в обществе, подкрепленное материальным благополучием. При этом он, скорее всего, использовал прежние коммуникативные шаблоны, уверившись в жизнеспособности своей идеи о создании коммуны на базе имени Николаева. В пылу перепалки представитель Малоярославецкого уземотдела указал в конце доклада: «Что касается действий Олонцевича, то они вылились исключительно в жалобах на бездействие и мнимые тормозы, чинимые якобы ему уземотделом, который и пригласил его на службу 2 месяца назад. ...Если тов. Олонцевич не желает преклоняться перед приказчиками пролетариата, то, как лицо, состоящее на службе у советской власти, должен был выполнять все распоряжения и заниматься не только разговорами, но и делом» [Там же, л. 15 об.].

Возвращаясь к позиции председателя коммуны П. Н. Николаева, нужно отметить его желание увеличить свои материальные ресурсы, в том числе освободившись от экстренных налогов и военной обязанности, даже несмотря на то, что фактически никаких сельскохозяйственных работ в коллективном хозяйстве не велось (И. А. Савельев: «Работы этих коммунаров на месте никаких не производится»; А. А. Фадеев: «Коммуна никаких работ не производит. Овес гниет, не обмолочен, солома не убрана под яровое, не запахано ни одной десятины. Навоз не вывезен» [Там же, л. 11, 14 об.]). Председатель Марьинского волостного исполкома Г. Е. Зайцев свидетельствовал: «Когда Марьинская коммуна была организована Олонцевичем, то он просил от меня дров для коммуны. Просьба была удовлетворена. Но заявления на дрова не давал. Николаев приходил и просил о снятии с него контрибуции волостного комбеда, а также просил его вернуть из тылового ополчения, я, Зайцев, не согласился, как крупного помещика» [Там же, л. 13].

При рассмотрении утверждений Зайцева, Соловьева и других советских и партийных работников, мы заметили интересный факт: представителям новой власти было понятно, что Николаев и другие коммунары не соответствуют критериям члена коммуны (зафиксированным в правовых документах), тем не менее, по формальным признакам (на местном уровне коммуна была зарегистрирована) было признано право на существование коллективного хозяйства и возможность получения материальной помощи и различного рода привилегий.

Несомненно, на отношение местных советских и партийных органов к коммуне в период ее организации повлияли позиция центральной власти по всемерной поддержке коллективных хозяйств и одновременно неготовность основной массы крестьянского населения идти в коммуну.

Таким образом, в условиях гражданской войны инициаторами изменений в аграрном секторе становились наиболее предприимчивые, опытные, образованные, легкие на подъем люди с разным уровнем коммунистической убежденности. Коммуны появлялись как фактор приспособления к реальности: для крестьян — в целях выживания за счет государственных дотаций и приобретения материальной базы помещичьих имений [Семерикова, с. 157], для бывших привилегированных слоев — через приобщение к категории «свой» и готовность к бюрократическим процедурам, на основе имеющегося управленческого опыта, образования, связей.

Непримиримая позиция большевиков к непролетарским слоям априори предполагала бесперспективность идеи создания коммуны данными гражданами. Но сроки существования Марьинской коммуны, на наш взгляд, могли быть расширены за счет принятия правил игры инициаторами коммуны. Тем не менее, их повседневные поведенческие практики входили в открытое противоречие с реальностью. Столкновение интересов (прежде всего материальных) представителей прежних привилегированных социальных элементов и местной революционной власти приводило к открытым конфликтам, в основе которых лежали не идеологические споры, а корыстные интересы, личная неприязнь и нередко действия преступного характера.

Кроме того, борьба большевиков с выступлениями против политики продразверстки, комбедов, мобилизации и др. повышала уровень эскалации конфликта, выводила его на уровень максимального использования насильственных мер, радикализма. Доминирование идеологических установок над прагматическими задачами проявилось и в непримиримой позиции большевиков в реализации политики пролетарской диктатуры и неготовности сотрудничать с «не-пролетариями» в деревне, несмотря на острую потребность в преодолении продовольственного и аграрного кризисов.

Источники

Доклад инспектора Наркомзема о поездке в Орловскую губернию Ивана Чикенова 18.11.1918 г. // РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 8. Л. 4–9.

Инструкция // Инструкция к составлению устава сельскохозяйственных коммун и декрет об организации и снабжении деревенской бедноты. Петроград, 1918. С. 3–6.

РГАЭ. Ф. 478 «Народный комиссариат земледелия РСФСР». Оп. 4. Д. 97.

Исследования

Гинзбург К. Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории: Материалы из цикла семинаров при поддержке Democracy Programme. М. : ИВИ РАН, 1996. С. 207–236.

Исаченко А. Дорога к храму [Электронный ресурс] // Малоярославец. Без Формата.Ru : [сайт]. URL: <http://maloyaroslavec.bezformata.ru/listnews/doroga-k-hramu/20998026/> (дата обращения: 25.04.2017).

К истории возникновения с.-х. коммун и артелей в СССР (1918 г.) // Красный архив. Исторический журнал. 1940. Т. 4 (101). С. 122–148.

- Осипова Т. В. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М. : Стрелец, 2001.
- Семерикова О. М. Революция в сельском хозяйстве: идеи трудовой коммуны и их воплощение в России в 1917–1919 гг. // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практики : сб. науч. тр. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 148–158.
- Усатова А. Н. Аграрные преобразования и первые коммуны во Владимирской губернии. Владимир : Кн. изд-во, 1961.

References

- Ginzburg, K. (1996). Mikroistoriia: dve-tri veshchi, kotorye ia o nei znaiu [Microhistory: Two or Three Things I Know about it]. In *Sovremennye metody prepodavaniia noveishei istorii: Materialy iz tsikla seminarov pri podderzhke Democracy Programme* [Modern Methods of Teaching Modern History: Materials from a Cycle of Seminars with the Support of the Democracy Programme] (pp. 207–236). Moscow: IVI RAN. (In Russian)
- Isachenko, A. (2014). Doroga k khramu [The Road to the Temple], *Maloyaroslavets. Bez Formata. Ru*. Retrieved from <http://maloyaroslavec.bezformata.ru/listnews/doroga-k-hramu/20998026/>. (In Russian)
- K istorii vozniknoveniya s.-kh. kommun i arteley v SSSR in 1918 [The History of Agricultural Communes and Artels in the USSR (1918)] (1940). *Krasnyi arkhiv. Istoricheskii zhurnal*, 4 (101), 122–148. (In Russian)
- Osipova, T. V. (2001). *Rossiiskoe krest'ianstvo v revoliutsii i grazhdanskoi voine* [The Russian Peasantry in the Revolution and the Civil War]. Moscow: Strelets. (In Russian)
- Semerikova, O. M. (2016). Revoliutsiia v sel'skom khoziaistve: idei trudovoi kommuny i ikh voploshchenie v Rossii v 1917–1919 gg. [Revolution in Agriculture: The Ideas of an Agricultural Commune and their Realisation in Russia in 1917–1919]. In *1917 god v Rossii: sotsialisticheskaiia ideia, revoliutsionnaia mifologiya i praktiki: sb. nauch. tr.* [The Year of 1917 in Russia: The Socialist Idea and Revolutionary Mythology and Practice: A Collection of Scholarly Papers] (pp. 148–158). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)
- Usatova, A. N. (1961). *Agrarnye preobrazovaniia i pervye kommuny vo Vladimirskoi gubernii* [Agrarian Transformations and the First Communes in the Province of Vladimir]. Vladimir: Knizhnoe izdatel'stvo. (In Russian)

Семерикова Ольга Михайловна

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории и социальных технологий
Уральский федеральный университет
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19
E-mail: olgasemerikova8@yandex.ru

Semerikova, Olga Michailovna

PhD (History), Associate Professor,
Chair of History and Social Technologies
Ural Federal University
19, Mira Str., 620002 Yekaterinburg, Russia
Email: olgasemerikova8@yandex.ru